

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

Научная статья

УДК 111:821.161.1.09-1"18/19"

DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.41-47

Н. П. Крохина

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЗНАНИЯ (НООСФЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК) В ОТРАЖЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ XX—XXI ВЕКОВ

Аннотация. Речь идет о неомифологическом расширении художественного сознания в литературе XX—XXI веков. Автор обращается к поэтике всеединства в поэзии Серебряного века и более подробно анализирует эту поэтику на примере романа-реки. Определяются специфические черты новой жанровой формы. Роман-река предстает как роман потока сознания или потока жизни. Дается анализ эпопеи Ромена Роллана о Жане-Кристофе как итоговом произведении для новоевропейской культуры. Черты романа-реки выявляются в ряде отечественных романов XX—XXI веков.

Ключевые слова: неомифологизм, целое, поэтика всеединства, новый образ человека, роман-река, поток жизни

Ссылка для цитирования: Крохина Н. П. Трансформации сознания (ноосферный человек) в отражениях литературы XX—XXI веков // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 41—47.

Original article

N. P. Krokhina

TRANSFORMATIONS OF CONSCIOUSNESS (NOOSPHERIC HUMAN) IN THE REFLECTIONS OF THE LITERATURE OF THE XX—XXI CENTURIES

Abstract. We are talking about the neo-mythological expansion of artistic consciousness in the literature of the XX-XXI centuries. The author turns to the poetics of unity in the poetry of the Silver Age and analyzes this poetics of unity in more detail using the example of the river novel. The specific features of the new genre form are determined. The river novel appears as a novel of the stream of consciousness or the stream of life. The analysis of Romain Rolland's epic about Jean-Christophe as the final work for the New European culture is given. The features of the river novel are revealed in a number of Russian novels of the XX—XXI centuries.

Keywords: neo-mythologism, the whole, the poetics of unity, a new image of a person, the novel is a river, a stream of life

Citation Link: Krokhina N. P. (2024) Transformations of consciousness (noospheric human) in the reflections of the literature of the XX—XXI centuries, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 41—47.

© Крохина Н. П., 2024

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 41—47 •

Литература XX века отразила разрушительные трансформации сознания: формирование общества потребления, исследование тоталитарного и утопического мировоззрения. С другой стороны, это век невиданного расширения сферы человеческого духа. Итогом эпохи символизма явился неомифологизм — мировое сознание, о чем, в частности, писал Вяч. Иванов в работе 1919 года «Кручи». Размышляя о кризисе гуманизма и морфологии современной культуры, он видит в ней приметы — «первые щупальцы нарождающегося сознания, потянувшиеся за предельную черту человеческого как индивидуального» [Иванов, 1994с: 110]. Это новое сознание он называет неомифологическим. «Для этого нового зачатия человек должен так раздвинуть грани своего сознания в целое, что прежняя мера человеческого [гуманизм] будет казаться ему тесным коконом» [там же: 106]. Также называет его неорелигиозным — утверждающим опыт «вселенской связи» [там же: 110]. О религии как «чувствовании связи всего сущего» Иванов писал ранее в своей программной работе «Две стихии в современном символизме» [Иванов, 1994а: 143], выступая преемником соловьевской философии всеединства.

Наследием Вл. Соловьева является не только философия всеединства, но и поэтика всеединства. Поэзия Вл. Соловьева как отражение его религиозно-философских исканий вносит совершенно новые мотивы в историю русской поэзии, которые нашли законченное и развернутое воплощение у его последователей и продолжателей — поэтов-символистов. Переживание зорь, пафос мирового обновления были общими мотивами в нашей поэзии начала XX века: А. Блок «Стихи о Прекрасной Даме», А. Белый «Золото в лазури», Вяч. Иванов «Прозрачность», К. Бальмонт «Будем как Солнце». Отблесками этого порыва питалось и творчество постсимволистов: О. Мандельштам «Камень», Б. Пастернак «Сестра моя — жизнь». Стремление к целому порождает мифопоэтическое мировосприятие, сочетание в индивидуальной мифологии поэта различных мифологических традиций и архетипов, связанный с именем Соловьева поиск социально-активного, жизненно-действенного христианства, органическое ощущение божественной, всеединящей основы мира — «существования ткань сквозная» (словами Б. Пастернака [Пастернак, т. 1, 1990: 411]), в которой все сочетается и взаимопроникает. Мир — единое целое. «Я постиг сокровенную суть бытия... Мне явилась истинная реальность», — размышляет герой Д. Фаулза, — которая «пребывала в вечном взаимодействии... Крайности сливались» [Фаулз, 2015: 300]. Способность поэта прозревать сущность вещей и связи всего сущего Д. Джойс называл эпифаниями, Вяч. Иванов и А. Белый вслед за Вл. Соловьевым — теургией, Р. М. Рильке — орфическим началом поэзии, столь близким и Мандельштаму: «О, широкий ветер Орфея, / Ты уйдёшь в морские края — / И, несозданный мир лелея, / Я забыл ненужное «я» («Отчего душа так певуча...») [Мандельштам, 1990: 76]. Связь предзадана вещам, и ее прозревает поэт-медиум (с его ненужным «я»), проникающий в эйдосы вещей. Ранняя поэзия Мандельштама обращена к первоосновам жизни, космическому всеединяющему эросу вещей, когда еще не родилась сама Афродита, его персонификация: «Она ещё не родилась, / Она и музыка и слово, / И потому всего живого / Ненарушаемая связь» [там же: 70]. Поэт восстанавливает первоначальную связь всего. Рождается новая, архетипическая мера человеческого. Миф, выходя за пределы своего времени, обращает к архетипам.

Движение литературы к новому образу человека в его разных ипостасях — движение к антропокосмизму, диалогической и холистической антропо-

логии реализует то качество, которое увидел в героях Ф. М. Достоевского Вяч. Иванов: «Личность для Достоевского антиномична, — не только вследствие противоречивой сложности своего внутреннего состава, но и потому, что она одновременно и отделена от других личностей, и со всеми ими непостижимо слита; ее границы неопределимы и таинственны» [Иванов, 1994b: 307]. Этот новый целостный — ноосферный человек заявляет о себе и в современном романном мышлении. Начало XX века — время рождения новых жанровых форм. Мифологема жизни в ее изменчивости, непредсказуемости — главная мифологема эпохи романтизма. Мифологема бесконечности жизни, которая расцветает снова и снова, связуя поколения, претворяя дисгармонию в гармонию, появляется уже в романе XIX века («Грозовой перевал» Э. Бронте, «Жизнь» Мопассана) и порождает на рубеже XIX—XX веков новый жанр — роман-река. Так в конечном счете определяет свой «музыкальный роман»-симфонию о Жане-Кристофе Ромен Роллан. Роман-река связан с романтической традицией и мощно выражает дух нового идеализма, характерный для эпохи символизма — рубежа XIX—XX веков. Французская литература начала XX века создает две версии романа-реки. Версия Р. Роллана — роман о потоке жизни. Версия М. Пруста — роман потока сознания, в котором мир сознания становится высшей и единственной реальностью. Лирическая эпопея М. Пруста — классика модернизма. Эпопея Роллана — итоговое произведение для новоевропейской культуры. Но сближает две эпопеи обращение к миру сознания, жизни внутренней, творческой и ее закономерностям, важнейшая из которых — понимание этой внутренней жизни как «выхода из времени в вечность» [Гарин, 2002: 617]. К этому бытийному измерению обращена знаменитая ассоциативная память эпопеи Пруста, и это же бытийное измерение придает символизм главному герою эпопеи Р. Ромена, создававшего миф о новом человеке и верившего в него.

Роман-река — это роман потока сознания или потока жизни. Мифологема жизни соединяет жизнь человека с природными ритмами и явлениями, жизнью поколений. Человек в этом непредсказуемом потоке становления предстает частью целого. Отсюда несокрушимая жизненная сила героя Роллана. И исследование сознания у Пруста, и мифологема жизни у Роллана обращены к постижению бессознательных истоков жизни и сознания. Роман о душе неизбежно обращен к иррациональным началам души. Это роман о художнике, творческом восприятии мира. Это роман о музыкальной сущности мира, что также является итогом эпохи и романтизма, и символизма. Мечты о новом человечестве придают образу романа-реки апокалиптические смыслы: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца» (Апокалипсис, 22).

В романе важна тема родовых корней, которые питают человека, бесконечного «потока времени». Все Крафты были музыкантами. Растущая в герое бессознательная сила связывает его со всеми поколениями Крафтов: «Его существо не имеет границ», он жил в прошедших веках, и «они воскресают в нем — желания, надежды умерших» [Роллан, т. 1: 21—24]. В нашей литературе элементы романа-реки находим в «Докторе Живаго» Б. Пастернака; «В других вы были, в других и останетесь» [Пастернак, 1989: 61]. Это тоже роман о «мистерии личности» [Пастернак, 1989: 101], ее самоосуществлении, о счастье существования.

Символом свободного течения жизни становится река: «Кристоф увидел реку как живое существо — загадочное, могущественное... она неслась так свободно... какое счастье быть как она..., быть свободным!» [Роллан, т. 1: 83]. Мир звучит для Кристофа: «Все музыка для музыкальной души... свист ночного ветра и мерцание звезд, щебет птиц и шелест листвы... все сущее есть музыка... вся эта музыка живого бытия звучала в Кристофе». Вслушиваться в бесчисленные звуки мира, слышать Божью музыку» в мире [Роллан, т. 1: 98] призывает героя дядя Готфрид — скромный коробейник и родная душа в своей независимости. Главная задача писателя в романе — раскрыть внутренний мир героя, пробуждение творческой души в ее независимости и открытости миру. «Кристоф думал, как бедна наша музыка по сравнению с этим океаном мировой музыки» [Роллан, т. 1: 272].

Не однажды герой проходит через кризисы роста. Но во всех испытаниях спасает творчество: «Одно только есть счастье: творить. Живёт лишь тот, кто творит... творить — убивать смерть» [Роллан, т. 2: 14]. Таким образом, мифологема жизни обращена и к внутренней жизни героя, и к той мировой музыке, которую слышит творческая душа. Два лейтмотива определяют это пробуждение творческого сознания в герое: открытость миру, способность слышать мировую музыку — «голоса невидимого мирового оркестра» и «растворяться в этой звучащей громаде без берегов и границ» [Роллан, т. 1: 272, 291]. Второй лейтмотив — Богочеловечность гения, столь близкая немецкому идеализму конца XVIII в.: «Он жил в Боге... Бог был в нем самом». Он познаёт «Божественную радость созидания» [Роллан, т. 1: 265, 289; т. 2: 14]. Мирощущение Кристофа можно определить как пантеизм — единство Божественного, природного и человеческого: «Небеса прозрачной рекой текли куда-то... Растения, деревья, насекомые, мириады живых существ были словно сверкающие языки великого огня жизни... Он не отделял себя от всего сущего». Тайна всеединства открывается Кристофу, связывая его с эпохой раннего немецкого романтизма: «В самом крошечном и в самом большом из всех этих существ текла та же река жизни, что омывала и его». Таким образом, мифологема реки, потока — это и есть постижение таинства всеединства жизни. Во всем течет единая «река жизни», «повсюду было бытие — без конца и без меры» [Роллан, т. 1: 290—292]. Мечта юного Кристофа — о «здоровом, сильном, свободном человеке» [Роллан, т. 1: 293]. Сила творчества преодолевает закон смерти: все, кого по-настоящему будет любить Кристоф, остаются с ним — в нем, его памяти и сознании творца. Душа Кристофа, закаляясь в утратах и испытаниях, становится все более полноводной рекой. Поток музыки для героя неотделим от «биения вселенской жизни» [Роллан, т. 3: 204]. «Самый ничтожный из нас носит в себе бесконечность... Это и есть могучий поток жизни, который течет от одного к другому... [Роллан, т. 3: 311]. В роман входит тема иррационального начала в человеке: то его увлекает революционный «вихрь безумия» [Роллан, т. 4: 93], то жизнь испытывает его безумной страстью к жене друга Брауна Анне. Пережив самый жестокий кризис в своей жизни, «Кристоф вышел из этого испытания разбитый, опаленный, постаревший на 10 лет, но вышел, спасся..., приблизившись к Богу» — Кристоф обретает смирение перед неведомым Богом и спокойствие. «Он понимал тщету своей гордыни...» [Роллан, т. 4: 178]. Возникает библейский образ «Неопалимой Купины».

Последняя книга начинается с гимна музыке, которая «вне мира» и «глубока, как душа», здесь сливаются голос автора и его души — его героя: «Жизнь проходит. Тело и душа иссякают, как поток... Все в мире умирает и возрождается. Только ты, Музыка, не брэнна, ты одна бессмертна» [Роллан, т. 4: 184], Приобщенный к ней обретает бессмертие. Герой Роллана приходит к мысли: «Реально только творение» [Роллан, т. 4: 317], а творения Кристофа общечеловечны. Религия творчества сближает роман с философскими идеями XX века: «Творческий порыв» А. Бергсона, «Философия творчества» Н. А. Бердяева, теория пассионарности Л. Гумилёва. В последние мгновения «вся жизнь, подобно полноводному Рейну, проносится перед его глазами» [Роллан, т. 4: 343]. И подлинно реальным оказывается тот бесконечный поток жизни, проходящий через весь роман. Главное в жизни героя — его жизненная энергия, творческий порыв, пассионарное начало, надежда на которое и преисполняет роман Роллана величайшей жизненной силой.

Признаки романа-реки находимы в целом ряде отечественных произведений рубежа XX—XXI веков. Роман-река, обретая черты эпической саги, актуализирует поколенческую тему. Именно так построены «Московская сага» В. Аксёнова, «Лестница Якова» Л. Улицкой, «Город, написанный по памяти» Е. Чижовой. В романе Е. Чижовой вариантом этого неостановимого течения жизни становится мотив рождения в городе на Неве особого типа человека *homo peterburgusa*: дух независимости определил судьбу прабабушки Дуни. И он же передан по наследству внучке как «неколебимая связь» с родным амбивалентным топосом и завет: «Петербург — не город, а жизненная стратегия. Стратегия независимости» [Чижова, 2019: 247]. В саге Аксёнова эту непобедимую жизнь воплощает дом Градовых в Серебряном бору, преодолевающий катастрофический развал семьи и символизирующий духовную силу отечественной интеллигенции.

Поколенческую тему как естественное продолжение жизни дополняет восходящая еще к Новалису тема реинкарнации. Она присутствует в романе Улицкой как многообразные перевоплощения единого творческого начала жизни, эту реку жизни воплощает «бессмертная сущность», блуждающая из личности в личность и возвращающаяся к Адаму Кадмону. Человек — участник «в великой работе длящегося Творения», «временная обитель всех личностей» [Улицкая, 2019: 660, 724].

Элементы романа-реки есть и в романе Е. Водолазкина «Авиатор». Робинзон — Авиатор — Лазарь — язык архетипов вскрывает вневременную сущность человека. Локомотив истории ненадежен, общественная жизнь может быть фантомной, утопичной, в ней может исчезнуть понятие «правого и неправого, верха и низа, света и тьмы» [Водолазкин, 2022: 122], но на уровне человеческой души каждый ответственен за свой выбор, ведущий к падению или взлету. Герой мечтает, чтобы время остановилось. «Рай — это отсутствие времени». Сосны, скрип калитки, стук дождя — человек принадлежит этому вечному бытийному измерению. «То, что осуществляется поверх истории, — вневременно, освобождено» [Водолазкин, 2022: 163—164]. «Стрекотание кузнечика, запах вскипевшего самовара» [Водолазкин, 2022: 237]. Герой воскресает для переосмысления своей жизни, вновь проживая ее счастливые мгновения. Главными событиями становятся радостные события, то, что излучает мир и спокойствие. В жизни есть «фундаментальные события» (питье чая на веранде или беседа), которые

вневременны, «универсальны» [Водолазкин, 2022: 165]. Тихая беседа на кухне, «сама беседа — за исключением отдельных слов — может, и не остается в памяти. Но остаются интонации — умиротворяющие, как будто весь покой мира вошел в них этим вечером» [Водолазкин, 2022: 181]. Подобное счастье в это же катастрофическое время переживал герой романа Б. Пастернака: «Какое это счастье работать на себя..., создавать свой мир, подобно Робинзону, подражая творцу в сотворении вселенной...» [Пастернак, 1989: 212].

Так в литературу входит новый — ноосферный человек с его внутренней свободой, мировым сознанием и пафосом самосозидания.

Библиографический список / References

- Водолазкин Е. Авиатор. М.: АСТ, 2022. 410 с.
(Vodolazkin E. *Aviator*, Moscow, 2022, 410 p. — In Russ.)
- Гарин И. И. Век Джойса. М.: Терра-Книжный клуб, 2002. 848 с.
(Garin I. I. *The Century of Joyce*, Moscow, 2002, 848 p. — In Russ.)
- Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994а. С. 143—170.
(Ivanov Vyach. Two elements in modern symbolism, in Ivanov V. I. *Native and universal*, Moscow, 1994a, pp. 143—170. — In Russ.)
- Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994б. С. 282—311.
(Ivanov Vyach. Dostoevsky and the Tragedy Novel, in Ivanov V. I. *Native and universal*, Moscow, 1994b, pp. 282—311. — In Russ.)
- Иванов Вяч. Кручи: о кризисе гуманизма // Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994с. С. 102—112.
(Ivanov Vyach. Kruchi: on the crisis of humanism in Ivanov V. I. *Native and universal*, Moscow, 1994c, pp. 102—112. — In Russ.)
- Мандельштам О. Стихотворения // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 638 с.
(Mandelstam O. Poems, in Mandelstam O. *Works*: In 2 vols, vol. 1, Moscow, 1990, 638 p. — In Russ.)
- Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М.: Книжная палата, 1989. 431 с.
(Pasternak B. L. *Doctor Zhivago*, Moscow, 1989, 431 p. — In Russ.)
- Пастернак Б. Л. Стихотворения // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 752 с.
(Pasternak B. L. Poems, in Pasternak B. L. *Collected works*: In 5 vols, vol. 1, Moscow, 1990, 752 p. — In Russ.)
- Роллан Р. Жан-Кристоф // Собр. соч.: в 9 т. Т. 1—4. М.: Правда, 1983.
(Romain Rolland/ Jean-Christophe, in Romain Rolland. *Collected works*: In 9 vols., vol. 1—4, Moscow, 1983. — In Russ.)
- Улицкая Л. Лестница Якова. М.: АСТ, 2019. 731 с.
(Ulitskaya L. *Yakov's Ladder*, Moscow, 2019, 731 p. — In Russ.)
- Фаулз Дж. Волхв. М.: Эксмо, 2015. 800 с.
(Fowles J. *The Magus*, Moscow, 2015, 800 p. — In Russ.)

Чижова Е. С. Город, написанный по памяти. М.: АСТ, 2019. 315 с.
(Chizhova E. S. *A city written from memory*, Moscow, 2019, 315 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.01.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 04.01.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Крохина Надежда Павловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и изобразительного искусства, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя, Россия, nadin.kro@mail.ru

Krokhina Nadezhda Pavlovna — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies and Art of the Shuya branch of the Ivanovo State University, Shuya, Russian Federation, nadin.kro@mail.ru